

ВЕСТНИК

8916
СВЯЩЕННОГО СИНОДА

ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В С.С.С.Р.

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

Выходит один раз в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва 19, Храм Христа Спасителя.

Редакция „Вестника Св. Синода“.

№ 9-12 (42-45)
1929 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 г.

Подписная цена: на 12 №№—6 р.
за 6 №№—4 р.

Цена отдельного №—60 к.

Двойного—1 р.

Наложенным платежом журнал высылается на сумму не менее 3-х руб.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Официальная часть.

1. Новый Вселенский Патриарх.
2. Воззвание Св. Синода о праздновании 1600-летия со времени рождения св. Григория Богослова.

II. Догматика.

3. Староцерковники и обновленцы.

III. Каноника.

4. К вопросу о падших клириках в наше время.

5. Блюстители канонов пред судом канонов (Протопресв. П. Н. Красотин).

6. 3 конспекта бесед об обновленчестве.

7. Всероссийский Церковный собор 1917—18 г. (Протопр. Н. Г. Попов).

8. Староцерковники и старообрядцы

IV. Хроника.

9. Церковные юбилеи в 1930 году.

10. Награды по Св. Синоду за 1929 г.

Приветственная грамота Священного Синода Православных Церквей в СССР Вселенскому Патриарху Фотию II по случаю вступления его на Патриаршую Константинопольскую Кафедру.

Священный Синод Православных Церквей в СССР, глубоко опечаленный кончиной Вселенского Патриарха Василия III, утешен ныне радостным известием о вступлении на престол Вселенского Патриарха ВАШЕГО ВСЕСВЯТЕЙШЕСТВА, каковое совершилось в расцвете сил физических и духовных ВАШЕЙ богато одаренной личности. Священный Синод от всей души молитвенно желает, чтобы в нынешнее ответственное время сложных церковно-общественных отношений и выдвигаемых нашей эпохой трудных задач Божественный Пастыреначальник Наш Господь Иисус Христос преизобильно ниспослал ВАМ духа, премудрости и разума, духа ведения и благочестия,—и вспомоществовал ВАМ своею всеильною благодатию—возложенный на ВАС Промысл Божий высокий долг Первостоятеля Православной Восточной Церкви совершить в немеркнущем горении во всей ВАШЕЙ жизни и деятельности светоча Вселенского Православия, во всей его неисчерпаемой глубине и широте, в его дивной духовной красоте,—в духе и силе Святого Григория Богослова, Святого Иоанна Златоуста, Святого Иоанна Постника и достойного своего имени

тезоименитого ВАМ Святого Фотия, и других великих и славных Архипастырей, ВАШИХ предшественников по Вселенской Кафедре. Священный Синод Православной Церкви ожидает от ВАШЕГО ВСЕСВЯТЕЙШЕСТВА мощной братской поддержки в своем церковном деянии, в выполнении своей религиозной задачи—явить Пресветлый Лик Христов и в современных сложных отношениях жизни. В лице ВАШЕГО предшественника—Вселенского Патриарха приснопамятного Василия III—Священный Синод Православных Церквей имел попечительного отца, заботливого брата и неизменного друга. Священный Синод уповает, что в лице ВАШЕГО ВСЕСВЯТЕЙШЕСТВА он найдет всегда мудрого и попечительного отца, готового на помощь, совет, утешение и ободрение старшего брата. Многая и многая лета ВАШЕМУ ВСЕСВЯТЕЙШЕСТВУ. Да ниспошлет Господь ВАШЕМУ ВСЕСВЯТЕЙШЕСТВУ в великих и неусыпных трудах ВАШИХ и свои богатые утешения и среди неизбежных скорбей первосвятительских да дарует он ВАМ вкусить и радость о преуспении и утверждении Святой Церкви Православной, которую Господь стяжал честною Кровию Своею.

Новый Вселенский Патриарх.

На кафедру Вселенского Патриарха, свободную после смерти Василия III, избран Дерконский Митрополит ФОТИЙ II.

Священный Синод Православных Церквей на территории СССР возлюбленным чадам Св. Православной Церкви о Господе радоваться!

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам Слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.
(Евр. 13 ст. 7).

В 1930 году исполняется 1600 лет со дня рождения великого Отца и Учителя церкви, Св. Григория, архиепископа Константинопольского, коему история вполне заслуженно усвоила высокое звание «Богослова». Вся жизнь и деятельность этого Учителя церкви, направленная на установление и утверждение единства исповедания веры и внутреннего мира во дни внутренних разделений Православной церкви, должны служить незабываемым руководством для верующих особенно в настоящее время, когда вновь раздирается нешвенный хитон Спасителя Нашего—Его церковь. Уроки из деятельности Св. Григория Богослова должны служить для нас надежным кормчим в настоящей буре церковной жизни.

Получив блестящее всестороннее классическое светское и духовное образование и использовавший плоды этого образования на благо и пользу церкви, Св. Григорий с честью христианской проходя пастырское и архипастырское служение, всегда относился с необыкновенным уважением к этому служению, считал себя недостойным его и своим примером показал, что безразлучным спутником пастырства должен быть всегда истинно христианский аскетизм, постоянное воздержание, постоянное самоуглубление, постоянная трезвость тела и духа. В этом он должен служить ярким светильником для современного пастырства, часто небрежущего о полученном им высоком даровании и не заботящегося о том, чтобы служить примером, ярким светильником добра для своих пасомых.

Наблюдая религиозные разделения, Св. Григорий всех призывал к миру и единению, указывал на Христа, который есть Любовь и служить которому надлежит любовью, а не ненавистью друг к другу. Наиболее ретивым раздорникам он советовал «не быть более законными, чем закон, более светлыми, чем свет, более православными, чем православие и более высоким», чем божественная заповедь, но быть искренними и

избегать крайностей. Как обличает Св. Григорий своим примером наших современных церковных раздорников, гордящихся своим особным православием, каноничностью и не внимающих никаким, самым авторитетным призывам к миру, единению, даже призывам преемников по святительской кафедре Св. Григория. А особенный урок этим раздорникам Св. Григорий преподает тем, что он, ради мира церкви, не пощадил себя самого и опасаясь, что из-за него не может состояться примирение, добровольно оставил Константинопольскую кафедру, подавая этим на все времена пример смирения, забвения своих личных интересов, ради церкви Божией, истинного по заповеди ап. Павла самопожертвования для общего блага православия, чего недостает теперь руководителям церковной жизни.

Св. Григорий дорог нам как величайший богослов, раскрывший нам в своих бессмертных трудах великую тайну Св. Троицы, защитивший истинно-православное учение о Св. Духе, как один из лучших христианских проповедников, в своих проповедях проявивший необыкновенную ревность архипастырскую о благе православных пасомых, то будя заснувшую совесть раскатами грома, то ласково разгоняя вражду, скорбь, тревогу и сомнения, проявляя особенную заботливость о страждущих и обиженных, наконец, как один из выдающихся христианских поэтов, в своих стихотворениях ласкавший сердце христианина и наполнявший мятежные сердца миром.

Празднуя память великого Учителя Св. церкви Св. Григория Богослова православные архипастыри и пастыри да проникнутся его пастырской ревностью, его заботой о мире церкви, научатся его приемами побеждать церковные раздоры, а все православные христиане да последуют призывам святителя Григория к миру и единению на благо Православной церкви.

Милость Божия и заступление Св. Григория Богослова да будет со всеми вами. АМИНЬ.

Староцерковники и обновленцы.

(Самая новейшая характеристика их взаимоотношений).

Восточные патриархи в своей переписке с представителями Православной Церкви в СССР открыто и ясно признают, что обе половины единой когда-то Российской Православной Церкви, в настоящее время враждебные друг другу, с точки зрения Восточной Церкви, являются одинаково православными, расходившимися только в вопросах устройства внешней стороны церковной жизни. Как таковые, они признаются Вселенским Патриархом Василием III в его обращении к митрополиту Вениамину и митрополиту Сергию с призывом к соборному рассмотрению, ибо оснований к разделению, с точки зрения Василия III, нет. Эту же мысль, не менее ярко выражает Александрийский Патриарх Мелетий. Православный Восток, к сожалению очевидно, не осведомлен о том, что староцерковники не обращают никакого внимания, если не сказать больше, на признание Православных Церквей Востока и совершают то, что с точки зрения беспристрастных каноников обращают их самих по меньшей мере в раскольников, резко ругающихся над канонами, столь ревностно защищаемыми ими, и открыто смеются и издеваются на благодатью Св. Духа. Мы при всем миролюбии, при всем бережном отношении к убеждениям верующих, находящихся под гипнозом староцерковнического православия и настроенных эконо-

мически заинтересованным духовенством против обновленчества, хотим раскрыть пред ними неканонические проделки их вождей; а Восточных патриархов осведомить о том, какие безобразия творят под флагом защиты канонов староцерковнические заправилы. Надо раскрыть глаза патриархов на то, что староцерковники допускают, а многие и узаконяют переосвящение—перерукоположение обновленческих клириков, не только нового (после 1923 г.) постановления, но даже и старого, не пожелавших раскаться перед староцерковниками до известного года и дня, когда митрополитом Петром поставлена граница действию благодати Св. Духа в обновленческих клириках и его своеобразным интердиктом затворены двери божественного милосердия навсегда, вопреки не только канонам, но прямому свидетельству Слова Божия о необходимости прощать до бесконечности. Староцерковники переосвящают храмы, в которых служили обновленческие клирики, имеющие самое законное, даже от самого патриарха Тихона, рукоположение, выбрасывают Св. Дары, хранящиеся на св. престолах в храмах православных обновленцев, и выливают св. миро, освященное прежними митрополитами и патриархом Тихоном, ибо обновленцы ни разу св. мира не варили и не освещали, и виновное только в том, что находилось в право-

славных обновленческих храмах. Обо всем это Восточные патриархи очевидно не знают, потому что если бы знали об этом, то не называли бы староцерковников православными, а по долгу чистой христианской совести осудили бы их по силе церковных канонов за кощунственные перерукоположения, за надругательство над святынями, освященными благодатью Св. Духа. Наши архипастыри и пастыри обязываются раз'яснять об этом своим верующим, указывать им на всю глубину нравственного падения староцерковных вождей, забвения ими заповедей Христа и канонов, даже надругательства над последними, с тем, чтобы верующие раскрыли глаза и верующих староцерковников, часто по неведению не идущих с нами по пути обновления Церкви.

В самое последнее время, 6 августа 1929 г. Заместитель патриаршего местоблюстителя Сергей с состоящим при нем Св. Синоде вынес следующее постановление по докладу Саратовского митрополита Серафима (Александрова) по вопросу о таинствах, совершенных обновленческими священниками, священниками отпавшими в Григорьевщину (ВВЦС) и «новый раскол Иосифлян» (правое крыло староцерковников, непризнающих митрополита Сергея и из за его декларации об отношении к Соввласти), главным образом о миропомазании, браке и погребении умерших, потому что у староцерковников не было одинаковых взглядов на эти таинства, а в вопросе о погребении и поминании умерших—«раскольников» староцерковники были снисходительны. В этом постановлении григорианцы и иосифляне со своими сторонниками поставлены на одну доску с обновленцами и постановление касается одинаково всех указанных группировок. За обновленческими клириками, как запрещенными в священнослужении 2 апреля 1924 г., остается право совершать только одно таинство—св. крещение. Всех крещенных в обновленчестве подлежит принимать в староцерковничество чрез таинство миропомазания. Браки, заключенные в обновленчестве признаются, но завершаются церковным благословением и чтением заключительной в чине венчания молитвы: «Отец, Сын и Св. Дух». Таким же чином принимаются и крещенные в григорианстве и так же у них завершается и брак.

Что касается умерших, как у обновленцев, так и в остальных указанных группировках, то их «не следует, хотя бы и по усиленной просьбе родственников, отпевать, как не следует совершать по ним и заупокойную литургию. Разрешать только проводы на кладбище с пением: «Святый Боже».

Права экономическая теория, объясняющая исторические факты и движения экономическими предпосылками. Эта теория всецело уясняет нам «идеологические» предпосылки староцерковников в разрешении вопроса о таинствах обновленцев, ВВЦС и иосифлян. Почемуто в этом определении ничего не говорится о таинствах покаяния и причащения, а говорится о браке. Да потому, что эти таинства самые бездоходные. Брак—одно из самых доходных таинств. Два раза венчаться навряд ли кто захочет, потому что и за свадьбу священнику и в церковь надо заплатить, и по нашим русским обычаям, церковное венчание должно обязательно сопровождаться угощениями и пирами. Поэтому староцерковники не вводят перевенчания, как естественно было бы ожидать, а завершают брак чтением самой последней молитвы, самой коротенькой, к существу таинства отношения не имеющей. Выходит, что как будто брак и не таинство, потому что самое существенное в нем признается староцерковниками у обновленцев. Логика здравая не может говорить иначе. А староцерковники прямо таки дурачат верующих, читая самую последнюю

молитву в чине венчания. Все таки, рассуждают они, хоть этим спасут души брачующихся в обновлении. Естественнее было бы для них, подскажем мы, требовать, чтобы венчанье в православном обновленчестве, приносило покаяние пред староцерковниками и причащались св. таин, а потом над ними совершалось какое то довершение таинства брака. А то получается странное явление: миропомазание в обновленчестве не признается, а брак признается.

Погребение с поминанием умерших является самой выгодной статьей для староцерковников. Поэтому они более всего и присваивают монополию на эти обряды. Суть их определения—в известном терроре по отношению к живым, больным и умирающим. Их запугивают тем, что «истинно православная» церковь не допустит их погребения и поминания если они при жизни не присоединятся к ней. Но это определение, по отзыву одного нашего архипастыря, на руку обновленцам вот в каком отношении. Очень часто бывает, что родственники умершего православного обновленца, склоняются староцерковническим духовенством, особенно монахинями, к погребению этого умершего обновленца староцерковниками не смотря на то, что он исповедывался и причащался у обновленцев и до конца дней оставался в обновленчестве. Экономика ясна здесь, как Божий день. Хоть с еретика, раскольника, да все таки можно кое что получить за его погребение и поминание. Теперь православные пастыри должны этим определением митрополита Сергея пользоваться, как орудием против староцерковников. А в целом и в общем это определение Сергея наводит на весьма грустные размышления. Очевидно для всех, что в ненависти к православному обновленчеству и своим группировкам признающим патриарха Тихона и на нем базирующимся, они дошли до полной неспособности рассуждать хоть сколько нибудь в духе любви, а главное логически. Будущие историки церкви будут, вероятно ломать голову над тем, как понимать эти странные определения патриаршего местоблюстителя и его Синода. Обновленцы поступают как раз наоборот и с идеологической и логической точек зрения. Внимая голосу Вселенской Церкви, они относятся к староцерковникам, как православным братьям и принимают приходящих к ним клириков и общины без переосвящения храмов, выбрасывания св. мира, освященного митрополитом Петром Крутицким, не перепосвящают священников, как потому, что признают староцерковников православными, так и потому, что руководятся духом христианской любви и всепрощения.

Но в сношениях с Восточными патриархами, а особенно на предстоящем Вселенском Соборе неизбежно должно быть поставлены два вопроса о клириках у староцерковников.

1) Во исполнение правила Св. Апостол неизбежно должен быть поставлен вопрос о епископах и пресвитерах рукоположенных б. патриархом Тихоном после собора 1923 года. Первые рукоположенные б. патриархом вдвоем с другим епископом, по смыслу указанного правила, должны считаться рукоположенными незаконно и потому безблагодатными, а дальше все их священнодействия, в том числе и хиротонии тоже недействительными. Священники, рукоположенные б. патриархом Тихоном, должны быть признаны незаконными. Встает вопрос и о таинствах, совершенных этими священниками, равно и теми, кои были рукоположены епископами, рукоположенными б. патриархом Тихоном. Получается сложная картина, которую разгадать можно не методом староцерковников, которые по крайней мере треть православных русских людей готовы послать во дно ада за то только, что они не признают власти Московского патриарха во-

прос будет разрешен, безусловно, на основании соображений и требований любви христианской и т. п. церковной «экономики», т. е. соображений не пользы церковных партий в роде староцерковников, а пользы Церкви в ее целом. История знает не мало опытов таких снисходительных отношений Церкви и разрешения сложных и запутанных в каноническом отношении вопросов для блага Церкви, ее единства, но не отдельных личностей, группировок, направлений, как бы многочисленны и сильны они ни были. Тактика староцерковников безусловно будет осуждена Вселенским Собором.

2) Иначе должен разрешаться вопрос о клириках, над которыми было совершено кощунственное перерукоположение, и о епископах, совершивших такие деяния, строго осуждаемые канонами Церкви. Каноны Церкви относились строго к подобного рода ругателям над благодатию Св. Духа и не оставили никаких путей к снисхождению в отношении к ним. Как тем, так и другим присуждено лишение сана (извержение из него). Поэтому и Вселенская Церковь и Вселенский Собор будут строго судить за эту беспримерную в истории Церкви месть со стороны староцерковников: снисхождения им оказано не будет. Тяжесть преступления староцерковников против догматического учения о священстве и канонов Св. Церкви усугубляется тем, что 1) обновленцы никогда и никем ни в каких ересь осуждены не были, а потому мотив перепосвящения к ним не приложим; 2) староцерковники дошли до переосвящения клириков старого постановления, рукоположенных законными, православными с точки

зрения староцерковников, епископами, но потом присоединившимися к обновленцам; 3) некоторые епископы староцерковников, несмотря на наличие принципиальных требований своих властей, все-таки по благоразумию воздерживаются от этих кощунственных деяний. Стало быть, те усердные епископы, которые перепосвящают клириков, вдвойне виновны в этих кощунствах: они могли бы не делать этого, несмотря на наличие приказаний, но делают.

Повторяем, второй вопрос при всем снисхождении христианской любви, может быть и должен быть решен только со всей силой канонической строгости, потому что здесь на лицо определенный смертный грех, хула на Св. Духа, непрощаемый ни в сем веке, ни в будущем.

Это будет ни месть староцерковникам их же методом, не защита обновленчества, как такового; это даже не защита канонов; это защита истины христианства, его духа против изуверства фанатиков всех времен, кончая староцерковниками. Пусть узнают о их деяниях Восточные патриархи и осудят их своим авторитетом. Пусть узнают и верующие староцерковники о том, куда ведут их вожди. Слепые от ненависти ко всему светлому, от ненависти ко всему, что так и иначе затрагивает карманные, шкурные отношения, они ведут в яму тех, кто слепо им доверяет. Пора узнать и понять им, что ко Христу можно идти только любовью, всепрощением, а не ненавистью, особенно не имеющей никаких оснований. Пора понять и идти под сень обновленчества, руководящегося совсем другими—христовыми—принципами и учитывающего уроки церковной истории.

К вопросу о падших клириках в наше время

Статья печатается в порядке дискуссии. (См. Вестник Св. Синода № 5—6 1929 г.).

Поставленный в № 5—6 «Вестника Священного Синода» на дискуссии вопрос о приеме клириков в Церковь требует значительного уточнения в определении круга лиц, которых он касается. Недостаточная классификация их может в ближайшее время вызвать новые недоумения и поставить новые вопросы.

В указанном № ВСС ведется речь о двух категориях клириков: а) отречшихся от Бога, б) снявших священный сан. На самом деле, практика епархиальной жизни говорит, что дело с уходящими от Церкви клириками обстоит сложнее. Мы насчитываем три основных группы их, с подразделением каждой на два подотдела. Именно, отречшиеся от Бога делятся так: а) действительно перешедшие на атеистическую работу, и б) отречшихся только на бумаге. То же и с отречшимися от священного сана. а) Одни сняли сан в установленном порядке, б) другие это сделали путем публикации в печати, самочинно. Третья группа клириков—это, а) удалившиеся от церковной работы и поступившие на светскую службу без сношения с духовной властью, б) ушедшие за штат с разрешения духовной власти.

Такое подразделение важно в том отношении, что, если стать на субъективную точку зрения каждой из перечисленных групп, то принадлежность к той или другой из них представляется то усиливающей, то ослабляющей нравственную ответственность удалившихся от Церкви. Эта субъективная точка зрения в решении обсуждаемого вопроса является источником настроений сочувствия, сострадания, послаблений. На ней, конечно будут играть виновные. Однако у Церкви имеется своя, объективная, точка зрения, основанная на том, что Церковь имеет дело не только с отдельными личностями, но преимущественно с целым обществом, имеющим свои устои и интересы. Отсюда должны получиться новые мотивы, сдерживающие естественные чувства жалости и уступчивости, а требую-

щие правды и возмездия. Таким путем вырабатывается формула церковного взгляда и отношения к этим людям.

Найти эту формулу на точном основании канонов нам представляется делом невозможным. Каноны ни по обстоятельству их составлений, ни по букве, ни по материальному содержанию, не отвечают обстоятельствам и явлениям нашего времени. А потому разрешение вопросов возможно лишь применительно, только в духе канонов, в основу же решения, несомненно, следует положить первоисточники нашего вероучения. Так это делали в свое время составители канонов, напр., Св. Петр Александрийский в 10 праве.

Такая постановка вопроса заставляет нас не ограничиваться только приведенными в № 5—6 правилами о приеме падших, а расширить их сентенциями других правил, касающихся поведения клира. Св. Василий Великий в правиле 51 пишет: О состоящих в клире правила положены безразлично. Они повелевают определять падшим единое наказание, извержение от служения. В пр. 3 он же замечает о блудившем диаконе: «Диакон подвергается извержению, продолжающемуся навсегда». В 27 пр. о пресвитере, по неведению обязавшемся неправильным браком, пишет: пресвитерским седалищем пусть он пользуется, от прочих же действий пресвитерских да удержится... благословляти других должествующему врачевати собственные язвы не подобает». Также и 21 пр. Трул. Собора разрешает «подвергнутым» совершенному и всегдашнему извержению из своего сана, в случае добровольного раскаяния, только стричь волосы по образу клира. И только. А 36 пр. Карф. Соб. даже запрещает совершать над такими изверженными клириками обычные в Церкви приемы восстановления падших. «На пресвитеров, или диаконов», обличенных в некоем тяжком грехе, неизбежно удаляющем от священнослужения, не возла-

гати рук, яко не касающихся, или яко на верных мирян, и не попускати креститися вновь, и восходити на степень клира».

Такое безвозвратное удаление от священнослужения не следует ставить в противоречие с учением о неизгладимости благодати священства. Изгладимость благодати—одно. А дисциплинарное правоограничение—совсем другое дело.

Как будто некоторое смягчение вышеизложенных правил находим в послании Ефесского собора к собору Памфилийскому об Евстафии, бывшем их митрополите. Здесь в извинение павшего приводится ссылка на обстоятельство. «Бывает, что горькая и несносная скорбь, налегши на ум, сильно возмущает оный, уклоняет от стремления к должному и располагает, акибы нечто полезное, взирати на неблагоприятное по существу своему». Однако, это извинение здесь допущено к лицу, отрекшемуся от епархии, а не от сана. Подобное же находим в правилах Св. Кирилла (1, 2, 3), где свидетельствуется об отрекшемся епископе: «рукописание отречения дал он, как скажет, не по собственному произволению, но по нужде и по угрозам некоторых». Но и здесь идет речь не об изверженном из сана, а только об отрешенном от епархии. Важно и то, что в обоих случаях мы имеем дело с апелляциями потерпевших, чем доказывается их верность церкви и религии и после отречения от управления. Потому восстановление этих лиц в правах служения с учетом внешних обстоятельств не может служить руководством для освещения вопроса о падших клириках нашего времени.

Таким образом, дух канонів в отношении к падшим клирикам отличается характером строгости. Послабления кающимся даются в области внешних знаков отличия и не распространяются на существо их служения.

Здесь следует предупредить одно возможное недоумение. К клирикам, замешанным в еретических и раскольнических движениях, отношение канонів совсем иное. Но ими нельзя пользоваться в отношении падших. Ереси и расколы не являются результатом злой воли, а возникают чаще всего на почве глубоких убеждений и искреннего искания истины. И они хранят церковную дисциплину и являют примеры истинного благочестия, глубокой веры и добродетельной жизни. В них заблуждение ума исправляется, по словам блажен. Августина, покаянием. В вопросе же о падших речь идет об извращении воли. Не об искреннем заблуждении, а о сознательной и корыстной измене Церкви.

Применение к падшим клирикам вышеприведенных мероприятий по духу церковных канонів стоит в зависимости от того, насколько их вина пред Церковью будет признана заслуживающей строжайшего наказания в форме неизбежного и всегдашнего извержения из сана. Разрешение этого вопроса мы допускаем только на основах Слова Божия.

Исходной точкой для оправдания и смягчения вины падших служит указание на трудности, стеснения жизни, семейные обстоятельства, материальную тяготу. С этой точки зрения необходимо и судить их действия.

Христианство не обольщает людей обещаниями благополучия и счастья в жизни. Христос определенно

указал, что его последователей ждет та же участь, какая постигла и Его (Ио. 15, 16—20), что избранные Им от мира будут иметь против себя этот мир (Ио. 15, 19), что верующие в Него должны быть готовы принять хулы, поношения и гонения (Ио. 1, 2; Лук. 2—17. Потому Он требует от своих последователей крестоношения (Мр. 8, 34; Мф. 10, 38; Лук. 9, 23) и убеждает терпящих злострадания и гонения (Мф. 5, 10—11; Лук. 2, 22), заповедуя: «в терпении вашем спасайте души ваши» (Лук. 21, 19). Припомним здесь же наставления о терпении ап. Иак. 5, 10; Павла 2. Тим. 2, 3.

Ввиду таких определенных предупреждений христиан, а тем более пастырь не имеет оснований создавать себе иллюзий. И если среди пастырей найдутся люди, отходящие от Церкви именно в силу житейских обстоятельств, то этим отходом они сами о себе свидетельствуют, что они «обуявшая соль», которую нечем сделать соленою (Мф. 5, 13), что не имеют в себе корня, и не постоянны, если при скорби и гонении за слово тотчас соблазняются (Мф. 13, 21), а потому и бесплодны. Их прототип указан ап. Павлом в лице некоторых, отвергнувших добрую совесть и потерпевших крушение в вере: таковы Именей и Александр, которых апостол предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать (Тим. 1, 19, 20).

Тяжесть греха и суровость суда над такими людьми прямо определяется словами Господа: «Кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10, 33; Лук. 9, 2).

Клирики, не отрекшиеся от веры и священства, по отношению к Церкви могут успокаивать свою совесть тем, что они в душе остаются верными Христу. Но и к ним применимо другое решение Христа, повторно выражающее вышеприведенную мысль: «кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня. И кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее» (Мф. 10, 37; Мр. 8, 35; Лук. 9, 24). Потому перед нами встают слова С. Павла: невозможно однажды просвещенных и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия (Евр.).

На основании изложенного мы бы проектировали решение вопроса в таких положениях:

1. Клирики, отрекшиеся от Бога или священства, в случае покаяния, принимаются в церковное общение наравне с добровольно снявшими сан лишь в положении простых мирян.

2. Клирики, самочинно оставившие служение в церкви, хотя и не отрекавшиеся от Бога и священного сана, но прервавшие церковное общение из-за сохранения за собой гражданских должностей, в случае покаяния оставляются в своем чине, но до служения не допускаются.

3) Клирики, ушедшие за штат установленным порядком и не прерывавшие общения с Церковью, после раскаяния могут допускаться до служения вновь по суду епархиального архиерея.

Архиепископ СЕРГИЙ ДМИТРЕВСКИЙ.

Томск, 9 сентября 1929 г.

Блюстители канонів перед судом канонів.

Шесть лет минуло с тех пор, как Всероссийский Собор 1923 г. лишил сана и монашества, ныне покойного, б. патриарха Тихона. Известно, что ни бывший патриарх, ни его многочисленные почитатели не признали соборного о нем решения. Вменив Собор, яко не бывший, сам б. патриарх объявил себя в преж-

нем достоинстве и спокойно, отторгнув от Церкви значительную часть клира и мирян, управлял ими до самой смерти. Также спокойно управляют его наследием блюстители патриаршего престола и их заместители. Мало того, в сознании своей правоты, они, верные заветам своего Святейшего отца, признали

всех его судей и всех, кто не с ними, изменниками православия, объявив, подобно древним донатистам, даже их таинства недействительными. Правда, со смертью б. патриарха, они сами вскоре утратили свое внутреннее единство и, как донатисты же, разделившись на толки, не представляют уже теперь однородной силы, однако все они единомышленны во враждебных чувствах ко всем не патриархистам. Между ими и последними образовалась непроходимая пропасть. Покайтесь,—вот единственная церковная норма, через которую можно приобщиться к их упованию. «Мы верные, мы непогрешимые», кричат они сами о себе, хотя, по разделении недавние друзья и обличают взаимно друг друга в тяжких грехах,—читай переписку М. Сергия с М. Агафангелом и Еп. Борисом, ныне тоже митрополитом. Ослепленные своей правдой, они недопускают даже и мысли, чтобы был в чем либо не прав в прошлом их Святейший отец или кто либо из них, возглавляющих разорванные части патриаршего престола. Им не приходит и в голову, что разделения в Церкви прежде канонически изживались совместными церковными Соборами, о чем напоминал М. Сергию и нынешний Константинопольский Патриарх Василий III. Подобно Римским папам с момента разделения Церкви, они, как их приснопамятный отец, усвоили взгляд на Церковь как на свою вотчину, в которой они являются полновластными и безотчетными распорядителями. Но как бы ни думали о своем величии церковные приматы, они, если хотят оставаться верными духу истинного православия, не должны только прикрываться обольстительным для известной части верующих именем староцерковников, но и оправдывать название делами. А дела их, как и их родоначальника б. патриарха Тихона, свидетельствуют, что этого имени по существу и смыслу, которые они сами хотят придать ему, они ни в какой мере не оправдают, кроме своего личного возраста. Православная Церковь, установившая древне канонические нормы для общецерковной жизни,—а они ведь так гордятся соблюдением всех канонов,—разоблачает их в этом до конца. Пусть же предстанут перед ними все именующие себя патриархистами вместе с покойным отцом своим б. патриархом Тихоном и посмотрят на свою и его «каноническую правду». Б. патриарх Тихон, по мнению его защитников, неправильно и несправедливо осужден Собором 1923 г. Сам б. патриарх указывал в этом случае на формальное правонарушение Собора, не применившего к нему 74 ап. пр., коим Собор обязывался выслушать его прежде суждения о нем, а все вместе утверждают, что и сам по себе Собор был неканоничен и потому все постановления его ничтожны. Все эти положения в самой их формулировке говорят о полной их несостоятельности и вскрывают каноническую неграмотность как б. патриарха, так и его защитников, что и показала дальнейшая после Собора совершенно неканоническая деятельность самого б. патриарха и его преемников. Патриарха Тихона, говорят, нельзя было судить Собором Церкви, так как его проступки были нецерковного, а гражданского характера. Спорить против действительно политической его преступности не приходится, но утверждать, что патриарх за такую деятельность не подсуден Церкви—это, значит,—не знать самой природы церковного права. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть толкования хотя бы двух правил, относящихся к данному пункту, а именно: VI вс. соб. пр. 3 и Карф. соб. пр. 48. В них мы встречаемся с решительно противоположным утверждением, как обычным церковным правом. Именно Церкви и подсудны были все клирики за свои гражданские преступления, и как поясняет, толкователь на основании исторических спра-

вок,—ни один клирик, как таковой, никогда не мог быть судим гражданским судом, каков бы ни был его проступок; рассмотрение этих дел предоставлено было всецело и исключительно церковным судам. И лишь тогда кто-либо из них мог предстать гражданскому суду, если предварительно по суду церковному, перестал уже быть клириком. (Правила пр. Церкви с толкованиями Никодима, еп. Далматинско-Истрийского, 1 т. стр. 336 ср. 2 т. стр. 199). Следовательно, и патриарх Тихон должен был сначала предстать пред судом церковным, и для суда над ним у Собора были «вполне прочные основания», что и требуется канонами. (См. толк. 1-го пр. 7 Констант. поместного Собора 2 т. стр. 143). О гражданских же преступлениях б. патриарха Тихона следует заметить, что они по своей специфичности были настолько выдающимися из ряда проступков подобного рода, что, повидимому, во всей прошлой истории Православной Церкви подобных прецедентов не было, по крайней мере ни одним канонам они не предусмотрены; тем не менее в очень многих из них ярко подчеркивается и строго осуждается—извержением из сана—всякая не церковная деятельность клирика, без различия его степени, а особенно, когда эта деятельность подрывает авторитет гражданской власти или просто клонится к ее оскорблению. См. напр. Ап. пр. 6, 20, 81, 83, 84; IV Вс. Соб. пр. 3, 7; VII Вс. Соб. пр. 10; Карф. 16; Двукр. Соб. пр. 11. Следует заметить, что приведенные Апостольские правила говорят о царях своего времени, бывших не только язычниками, но и гонителями христиан. Такая строгость правил объясняется совершенной несовместимостью общественной светской службы с священнической. «Светская власть, как говорится в толковании 83 ап. пр., соединенная с священным саном, ослабила бы его и изменила бы его духовное значение; она принудила бы его, в ущерб его непосредственной задаче и цели, заниматься мирскими делами и земными интересами людей, препятствуя тем полному и свободному развитию духовного влияния; главное же, что таким образом духовенство совсем удалялось бы от примера, духа и желания Самого Божественного Основателя Церкви Иисуса Христа, Который не принимал Сам и не допускал своих учеников принимать на себя какую либо власть или участвовать в народных государственных делах. Каждый раз, когда духовная власть не только соединялась в одном лице со светской властью, но даже просто присваивала себе только первенство над властью земной, всегда происходили беспорядки и замешательство, и происходило зло для самой же власти для общества и церкви (там же 1 т. стр. 166). Все это мы действительно видели и видим в превосходной степени, как следствие от патриаршей неправящейся к ниспровержению государственного строя. Никто из понимающих природу церкви и значение ее иерархии, видя такую деятельность патриарха и испытывая ее вредные плоды на общем положении церкви в государстве, не мог, да и не должен был, считать его бесответственным пред судом церкви, тем более, что по новой конституции он уже лишен был гражданской властью и возможности управлять церковью, как и верные ему по духу иерархии. Церковь переживала тогда не бывало трудное, созданное из ее анархического положения, нужно было найти выход из ее анархического состояния. И единственно возможным по тому положению выход был найден: от верных заветам Основоположенника церкви Иисуса Христа требовалось явить новой государственности не только свое к ней отношение, но особенно свой взгляд на б. главу церкви, последнее вызвалось, как

замечено ранее, так же и канонической необходимостью. И вот созван был совершенно канонически Собор из всех фактически правящих епископов, клира и мирян страны. Однако защитники б. патриарха Тихона, как и он сам, не признает Собора каноническим, аргументируя свой взгляд тем, что большинство Собора не было на стороне подсудимого, а потому и суд над ним не мог быть беспристрастным, да и Собор не был созван патриархом. Подобные возражения основаны на полном незнании соборной структуры вообще: история церкви говорит нам, что все Соборы и всегда созывались для урегулирования церковных нестроений; а отсюда не естественно ли, что и его участники в большинстве должны были быть выразителями церковных норм, а не уклонений от них, иначе ни один Собор не состоялся бы и тем более не могли бы достигаться нужные цели. Представьте себе такой пример: древняя церковь боролась с еретиками; для осуждения их она созывала Соборы. Кого же церковь должна была приглашать на них по преимуществу. Конечно, православномудрствующих, а не еретиков, по логике же защитников б. патриарха выходит обратное. В 1923 г. созывается Собор для суда над патриархом, расстроившим церковную жизнь, определения положения церкви в новой общественности и откликов на нее. Кто же должен быть на этом Соборе. Вывод ясен,—кто понимал всю погубность ошибок патриарха и кто не являлся врагом общественности. Только при соблюдении этих условий и гарантировались как беспристрастный суд над виновным, так и правильное определение положения церкви в государстве и отношении к нему; по той же причине, конечно не мог созывать собор как сам подсудимый, так и его единомышленники,—иная структура Собора не мыслима и недопустима ни здравой логикой, ни историей прежде бывших Вселенских и Поместных Соборов. Не ослабляет силы и справедливости соборного осуждения патриарха Тихона и несоблюдение Собором в применении к нему 74 апостольск. пр., по которому подсудимый прежде суда над ним должен был трижды пригласиться на Собор. Подобный способ приглашения обвиняемого епископа в суд употреблялся с целью главным образом сохранения достоинства и свободы епископа, что как раз и невозможно было исполнить по отношению к патриарху. Личным предварительным отказом от управления церковью и уполномочиением на сие м. Агафангела по правилам Православной церкви патриарх уже сам лишил себя этого достоинства (III Вс. Соб. пр. 9; Кирилл. Алекс. пр. 3; Петра Алекс. пр. 10) по крайней мере, до Собора, о чем сам патриарх упоминал в своем уполномочии на имя м. Агафангела, свободой же он не располагал с мая 1922 года. Таким образом чрезвычайные обстоятельства положения подсудимого патриарха отняли у него достоинство и свободу еще до Собора 1923 года, и последний был не в силах возратить ему им же утраченное применением к нему 74 ап. пр. Собор следовательно вынуждался судить патриарха заочно, как лишенного свободы „за явные вины“ (Ап. пр. 28) в его общецерковной деятельности, направленной к извращению самого духа пастырства и к возрождению, и укреплению свергнутого государственного строя. Эти вины, в их очевидности и беспримерной тяжести были признаны всеми участниками Собора; не отрицал их, да и не мог отрицать и сам б. патриарх в своих послесоборных публичных обращениях к народу. В соответствии с винами Собор единодушно же по каноническим основаниям (81 и 84 ап. пр.) возвестил патриарха Тихона в мирское состояние. Это деяние Собора 1923 г. никого не должно бы было смутить и, конечно, не смутило бы, если бы церковное сознание известной части клира и мирян

не было значительно заострено политиканством. Последнее обстоятельство, к сожалению, и послужило и до сих пор служит основным источником ненависти к Собору и его деятелям—с одной стороны, и чрезмерной слепо-фанатичной симпатии к осужденному патриарху, с другой. Из этого же источника и осужденный патриарх, как только получил гражданскую свободу, почерпнул энергию и безнаказанную возможность, не считаясь с соборным определением о нем, немедленно—вопреки 28 ап. пр.—приступить к служению, некогда ему порученному. В этом отношении б. патриарх проявил не меньшую дерзость к церковной конституции, чем в своих прежних преступлениях пред конституцией гражданской. Если он ранее своей деятельностью стремился ниспровергнуть социальный строй, потерпев на этом фронте решительное поражение, то на фронте церковном, пользуясь невмешательством государственной власти в дела церкви, он ни во что вменяя все церковные каноны, достиг прежнего патриаршего величия. Б. патриарх, как и его политеканствующие почитатели, при этом нисколько не задумывались и не смущались тем обстоятельством—во что выльется и как отразится на общем положении церкви этот новый беспримерный проступок патриарха. Им казалось, раз патриарх помилован властью, значит он прав, а его соборные судьи неправы. К сожалению и б. патриарх, руководившийся, по его признанию, в антиполитической своей деятельности советами злоумных людей, и в этом случае не встал канонически выше обыкновенной толпы. Я—патриарх, сказал он; осуждение меня Собором считаю незаконным и формальным, и по существу. Да, подтвердили его решение единомышленники с ним епископы и народная толпа. И новый приговор состоялся: разжалованный собором патриарх воспринял прежний титул святейшего. Быстро и примитивно просто. А где же, хотя видимое соблюдение норм церковного права? Где выполнение канонов, предусматривающих недовольство осужденного и ошибки судей, дающие ему право на канонически законную апелляцию (см. пр. 12 Антиох. Соб.)? А ведь они так многочисленны, и так страшны прещения в случае их нарушения и для него, и для вступивших в общение с ним. Прочтите, например пр. 28 ап.; Антиох. Соб. 4, 12, 14, 15; Карф. Соб. 19, 29 и мн. др. Мы здесь же ограничимся выпиской текста 4 пр. Антиох. Соб.: „Аще который Епископ изверженный от сана Собором, или пресвитер, или диакон: таковому отнюдь не позволяется на другом Соборе, ни надежду восстановления в прежний чин имети, ниже до принесения оправдания допущену быти. Но и все сообщающиеся с ним да будут отлучены от церкви, и наипаче, когда зная осуждение, произнесенное противу реченных, дерзнут имети общение с ними“. Из приведенного правила ясно—насколько решительно и сурово карается своеволие осужденного; ему не возбраняется выражать недовольство Соборным осуждением, но предписывается безоговорочно подчинение его приговору до разбора дела по апелляции на другом Соборе, иначе виновные лишаются навсегда права обжалования, а имеющие с ними общение отлучаются от церкви. Такова церковно-каноническая конституция; изъятий из нее ни для кого быть не может, так как противное вносило бы в церковь разделение; что прекрасно понимали отцы церкви—Иоанн Златоуст и Афанасий Великий, которые, будучи осуждены Соборами, никак не могли занять вторично свои кафедры, хотя и были восстановлены царской властью, до тех пор, пока их совершенно не оправдали Соборы большие и важнейшие по сравнению с теми, которые их осудили. Ни бывший патриарх Тихон, ни его друзья над этим ни сколько не задумались: подчи-

нившись исключительно субъективным чувствам в этом серьезнейшем деле и самочинно вынося оправдательный приговор виновному в разрез с канонической практикой, они действительно положили начало неотвратимому церковному разделению. А ведь его могло бы и не быть, если бы осужденный патриарх и его советники пошли каноническим путем для его реабилитации,—большой Собор предотвратил бы раскол. Очевидно, ни бывший патриарх, ни его друзья на каноническом пути не надеялись получить оправдание: тайные чувства должны бы здесь вскрыться, а это то, видимо, и не было приемлемо ни для патриарха, ни для патриархистов. Вывод из всех их действий в этом деле таков—лучше раскол, чем Собор,—благо, пользуясь канонической неграмотностью масс, можно, рассуждали они, попытаться объявить, с гарантией на успех, виновниками в расколе самих же судей патриарха. Последствия оправдали их расчет: ореол величия сана с титулом мученика, хотя и мнимого, взял перевес над рассудком у многих в оценке этого дела; чувство сострадания потянуло к нему, а окрашенное политиканством оно оказалось настолько сильным, что во всех церковных настроениях, вопреки очевидности, обвинены были деятели Собора 1923 года; особенно в этом старались сам б. патриарх в своих воззваниях к народу и его прежние злоумные советники. Так благополучно были обойдены каноны ревнителями канонов: мирянин снова стал патриархом, злоумные советники—приближенными, а все вместе—единственными хранителями старого православия, судьи же б. патриарха оказались без суда, волею соборно осужденного, безблагодатными, еретиками и почему то красными. Беспримерный пример канонического беззакония, но им до самой смерти жил и руководился бывший патриарх Тихон, с немалым успехом действуют им и блюстители его патриаршего престола и их заместители по управлению церковью в память святейшего отца своего, даже и в разделении ныне сущие между собой. Все они играют канонами, на каком то им одним известном каноническом основании. Временами их игра заходит так далеко, что не удовлетворяет даже и своих, и порой раздаются там внутренние взрывы, раскалывающие их единство. Тогда на том же законном основании они проклинают друг друга, серьезно думая при этом, что каждая вновь оторвавшаяся частица от целого и есть строго православная; самое же православие ими свидетельствуется исповеданием особых догматов, ничего общего с истинным православием не имеющих. В ряду их на первом месте стоит имя б. патриарха, заветы которого клятвенно обещаются выполнять их епископы при хиротонии,—и нужно отдать справедливость—они выполняют клятву образцово. Одно только не замечается ими, что следуя его заветам, они вносят в православие другой догмат—моральная сущность которого ниспровергает все новозаветное учение Иисуса Христа. Он говорил: „Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Да будете сынами Отца вашего Небесного... Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда. Не то же ли делают и мытари. И если приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете. Не так же ли поступают и язычники (Матф. 5, 44—47)“. А они говорят: „Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего“ („Левит. 19, 17—18“). Христос назвал такое учение древним (Матф. 5, 43); в этом смысле и наши современные носители строгого православия, исправленного б. патриархом Тихоном и блюстителями его заветов, могут и должны справедливо называть себя не православными, а старо-

церковниками, Христос же уподобляет их мытарям и язычникам. Строгие ревнители православия, не подменявшие истинного учения православной церкви человеческими преданиями, отличались всегда миролюбием и терпимостью к заблуждающимся. Их постоянной заботой было—не углублять происходившие по временам в церкви разделения, а всемерно изживать; именно от них исходила инициатива обращения к раздорникам и никогда наоборот. Для примера приведем действия Отцов Карфагенского Собора в отношении к донатистам, отделившимся от церкви тотчас после гонения при Диоклитиане по недовольству снисходительным воссоединением с церковью отпавших во время упомянутого гонения и объявивших всех, кто не исповедует их учения, еретиками. Вот что Отцы Собора положили в основу своих отношений к донатистам: „По дознанию и исследовании всего, пользе церковной споспешествовать могущего, по мановению и внушению Духа Божия, мы избрали за лучшее поступати с вышеупомянутыми людьми кротко и мирно, хотя они беспокойным своим разномыслием и весьма удаляются от единства Тела Господня... Может быть тогда, как мы с кротостию собираем разномыслящих, по слову Апостола, даст им Бог покаяние и разум истины, и возникнут от диавольския сети, быв уловлены от него в свою его волю (11 Тим. 2, 25—26 пр. 66). А донатисты в своем беспокойном поведении дошли до крайности: всех приходящих к ним от инакомыслящих (чит. православных) постановили перекрещивать, перерукополагать и вообще возобновлять все таинства, совершенные над кем либо вне их общины. „Вот откуда заимствовали свою практику современные староцерковники. И несмотря на такое бесчинство донатистов, Отцы того же Собора 68 пр. постановили: принимать кдириков, в случае обращения, в сущем сани. Наконец, они обращаются к донатистам с таким посланием: „Законно вступаем с вами в сношение, быв посланы от законного нашего Собора, желая возрадоваться о вашем исправлении. Ведаем бо любовь Господа, рекшего: блажен миро-творцы, яко тий сынове Божии нарекутся. Вспоманул он такожде и через пророка, да аще и не хотящим нарицатися братьями нашими глаголем мы: братия наша есте. И так не долженствуете вы уничижити сие от мирныя любви происходящее наше напоминание. Аще что от истины имети мните, не усумнитесь защищати оное: т. е., да изберутся от нашего Собора должествующие с избранными из среды вас, в известном месте и в известное время, мирно исследовати все подлежащее вопрошению и отделяющее вас от нашего общения, и помозию Господа Бога нашего, хотя поздно, да восприимет конец закосневшее заблуждение, дабы, последуя человеческому уверению, немощные души и несведующие не погибли в свято-татственном разделении. Ибо аще братски сие примете, то истина удобно явится: аще же сие сотвори не восхощете, то неверие ваше тотчас познается“ (пр. 92). Вот голос истинного православия. Как далеки церковники! Отцы Карфагенского Собора всемерно стремились вернуть мир церкви, нарушенный донатистами, а староцерковники с непонятной настойчивостью стараются, наоборот, поддержать разделения; зовут на собор, а эти анафемствуют приглашающих на него. Так мудро воспитал в православии своих приемников и последователей б. патриарх Тихон! Во нивший для них лик кроткого святейшего отца, заместцу—они с яркой последовательностью воспроизводят в своих методах специфические черты всех раздорников, когда либо появлявшихся в церкви, а потому по справедливости должны именоваться раскольниками.

КОНСПЕКТ БЕСЕДЫ на тему: „Кто такие нынешние церковные обновленцы, откуда и для чего они явились“.

Нынешние церковные обновленцы для незнакомых с историей церкви появились как будто бы недавно. Но на самом деле это не так, и явились обновленцы вовсе не для того, чтобы вводить небывалую новизну. Они лишь в условиях нашего времени ревнуют о том же обновлении, возрождении церкви, о котором ревновали лучшие пастыри и верующие и в прежнее время.

В русской церкви близкого к нам времени мысль о церковном возрождении, об освобождении церкви от омирщения явилась уже почти сто лет тому назад.

Сначала она явилась у некоторых религиозных мыслителей, каковы были известные славянофилы (Хомяков, Аксаков, Самарин и др.), писатель Достоевский, философ Вл. Соловьев, группа т. называемых неологов, действовавшая лет 25—30 тому назад.

Мыслители эти рассуждали, что русская церковь проявляет очень мало дееспособности, что она не имеет внутренней свободы, как бы омертвела, почему и потеряла значительно свой авторитет в обществе и мало действует на народ. Образованные люди, интеллигенция, все больше стали сторониться от церкви. Народные массы относятся к церкви чисто формально, не участвуют в церковной жизни и не интересуются ею. Между церковью и жизнью вырастает все большее отчуждение.

Отчего же происходит это? Оттого, прежде всего, — говорили названные писатели, — что церковь подчинена государству, всецело находится под влиянием государственной власти, превратилась в государственное ведомство (казенная церковь) и живет и действует не по повелениям христианской совести и своим церковным началам, а по чуждым указаниям и по началам мирской государственности.

Во-вторых, говорили они, внутренняя энергия церкви угасает, потому что нет соборности. Соборность окончательно была подавлена у нас со времени реформы Петра Великого. А между тем только соборность и является основой церковной самостоятельности, объединяет пастырей и верующих, выявляет церковный разум и волю, поддерживает деятельную жизнь церковного организма.

К этому мыслители ближайшего времени прибавляли еще и следующее.

В церкви, говорили они, слишком возобладали монашеское влияние. Монашество еще с византийских времен завладело руководством церковной жизнью и стало строить ее на монашеский образец. Оно стало всюду проводить односторонние аскетические идеи, сделало церковно христианское мирозерцание печальным и мрачным, отвлекло все внимание в область монашеского подвига и потусторонний мир. Захватив в руки церковную власть, монашество укрепило в ней единоличное начало и тем содействовало ослаблению соборного духа. Оно покорно сдало церковные позиции и пред притязаниями государственной власти.

Под влиянием монашества совершилось и забвение церковью своей социальной миссии. На эту сторону дела особенно обращали внимание наши неолого-словы начала этого столетия. По их мысли, церковь стала отдаляться от жизни и утрачивать свою жизнеспособность, главным образом, потому, что отодвинула на задний план социальные задачи христианства. Она отказалась помогать людям в устроении жизни на земле „по правде“, хотя это — прямая задача Царства Божия, и люди стали искать

удовлетворения своих запросов в стороне от церкви.

Что же надо делать, чтобы помочь церковному горю?

Во-первых, надо освободить церковь от подчинения государству.

Во-вторых, надо восстановить соборность.

В-третьих, надо ослабить монашеское влияние, исправить аскетический уклон церковности.

В-четвертых, церковь должна активно взять на себя социальную миссию, выявить социальную правду Евангелия и бороться за эту правду.

Надо возродить деятельное христианство.

Эти идеи наших русских мыслителей сначала были достоянием почти одной интеллигенции. Но постепенно они начали проникать и в чисто церковную среду. Особенно широко они распространились в церковных кругах (правда, образованных) в первые годы нынешнего столетия, перед революцией 1905 г.

Поэтому, когда в связи с государственными событиями 1905 г., с дарованием конституции, был поднят вопрос о церковной реформе, то люди, разделявшие мысль о необходимости обновления в церкви, и выдвинули такие задачи устроения церкви:

Восстановление свободы церковного самоопределения, освобождение церкви от подчинения государству и от прислуживания государственным политическим интересам.

А для этого — восстановление соборности, созыв Собора, преобразование высшего и местного церковного управления на соборных началах, привлечение к участию в церковном строительстве (в соборе и управлении) клира и мирян, устранение царской и обер-прокурорской диктатуры, выборное начало, приходские реформы, ограничение власти монашеского епископата, возвышение значения белого духовенства, полнoprавие мирян.

Эти задачи сводились к внешнему и внутреннему освобождению церкви, а потому и самое церковное движение того времени получило наименование „освободительного“

Четвертый, социальный момент обновительных церковных заданий в период 1905 г. прямо не выдвигался, потому что на первую очередь ставились более узкие, но и более конкретные цели. Но он мыслился само собой, как дальнейший лозунг освобожденной церкви.

Так вот откуда и для чего явились нынешние церковные обновленцы.

Они вышли из того общего родника неувядаемого стремления к подлинной христианственности, который всегда струился в христианском мире и в близкие к нам времена стал пробиваться все сильнее на поверхность церковной жизни под влиянием явной опасности для церкви потерять связь с жизнью и руководством человечеством.

Они явились для того, чтобы возродить жизненные силы церкви путем церковных преобразований, которые бы возродили ее дух, помогли бы ей осуществить великое дело строительства Царства Божия.

Но ей пришлось бороться с той омирщенной церковностью, которая утвердилась веками и которая поддерживалась разными человеческими интересами, как приходилось бороться всегда и всем, жаждавшим церковного обновления.

Как они боролись и чего достигли — об этом будут говорить следующие беседы.

КОНСПЕКТ БЕСЕДЫ на тему: „Чего хотят обновленцы“.

Основная мысль обновленчества — возрождение подлинной христианственности, возрождение деятельной, творческой силы церкви, для того, чтобы возрожденная церковь снова приобрела руководящее зна-

чение в жизни людей и деятельно созидала бы Царство Божие не только внутри нас, но и в человеческом обществе.

Как же думают достигнуть этого обновленцы?

Всегда бывает, что к известной цели можно идти разными путями. Одного и того же одни люди думают достигнуть так, другие иначе.

Вот почему мы видим, что и старые и новые церковные обновленцы не всегда согласны между собою в частности. Нынешние обновленцы, например, в первое время разделялись на несколько групп. Общая цель у них была одна, но относительно средств достижения этой цели они думали не все одинаково. Ничего удивительного и худого тут нет. Это вполне естественно.

Нет ничего удивительного и в том, что нынешние обновленцы как будто заняты бывают больше различными практическими церковными вопросами, за которыми скрывается их великая христианская цель. Земная жизнь церкви проходит в земной обстановке, и чтобы подготовить достижение великого, надо сначала заняться малым.

Посмотрите программу обновленцев, и вы увидите, что хотя здесь речь ведется больше о малом, но все малое направлено к одному великому — созиданию Царства Божия.

Чтобы созидать Царство Божие, надо, прежде всего, выяснить христианскому сознанию смысл этой идеи. Это и хотят сделать обновленцы, раскрывая, что задача созидания Царства Божия заключается не только в усовершенствовании человеческой личности, но и человеческого общества в социальном христианском строительстве.

Но церковь в своей исторической жизни часто уклонялась от этой задачи и тем унижала христианскую идею в глазах трудящегося человечества, как бы скрывая ее истинное значение. Поэтому обновленцы хотят освободить церковь от тех человеческих наслоений, которые принижают нравственные идеалы Евангелия.

Считая основными началами жизни христианского общества братство, равенство и христианскую любовь к ближнему, обновленцы полагают основной задачей церкви деятельно способствовать усвоению этих начал христианами в личных взаимоотношениях и общественной жизни и бороться всеми средствами духовного воздействия с неправдой, насилием, эксплуатацией человека человеком.

Итак — прояснить затемненную веками земного бытия церкви христианскую идею и сделать церковь могучим орудием ее осуществления в жизни — вот чего хотят обновленцы.

Для прояснения христианской идеи считают обновленцы **НУЖНЫМ**:

1) Освободить христианское жизнепонимание от одностороннего аскетического уклона, явившегося следствием долгого влияния монашества на церковную жизнь, и выявить Евангелие, как весть радостного созидания жизни, а не подавления ее.

2) Освободить церковное учение от приспособительства к временным государственным, политическим

и социальным условиям, явившегося следствием долгого союза церкви с государством.

3) Возродить творческую церковную мысль, дабы христианское учение всегда осознавалось верующими сообразно достижениям человеческого разума, и религиозное ведение не отставало бы от развития человеческого знания.

А чтобы сделать церковь деятельным орудием проведения христианской идеи в жизнь, обновленцы стремятся к следующему:

1. Не отступая от духа церковных канонів, согласовать нормы церковной жизни с условиями времени, чтобы не приносить в жертву устаревшей букве жизненные интересы, ибо не человек для субботы, а суббота для человека. Церковь всегда в своих постановлениях руководилась церковным благом, и отжившие элементы древних церковных постановлений не должны тормозить живого церковного творчества.

2. Построить церковное управление и внутренние отношения членов церкви на строго соборных началах, чтобы было полное единение клира и мирян, и все члены церкви принимали деятельное участие в церковной жизни. Это необходимо для христианизации жизни и созидания Царства Божия.

3. Обновить церковное пастырство и привлечь к нему все деятельные силы, устранив препятствия для епископского и пастырского служения, поставленные некогда в требовании безбрачия епископов и единобрачия клириков, т. к. брачное состояние не унижает пастырей, освящено примером апостолов; и если было время, когда церковь находила лучшим иметь только безбрачных епископов и единобрачных клириков, то в настоящее время такое ограничение, напротив, могло бы лишь ослаблять силы церкви.

4. Поднять церковную дисциплину, чтобы пастыри стояли на высоте своего достоинства.

5. Приблизить богослужение к сознанию верующих, чтобы они не присутствовали только при нем, а активно в нем участвовали, сделать его всем понятным. Для этого обновленцы вводят русский язык, вовлекают народ в пение и чтение, стараются сделать доступным взору верующих разные литургические действия.

6. Развивать в церковных общинах начала солидарности, взаимопомощи, церковной самостоятельности.

7. Несвязывать церковь с политикой и временными государственными интересами, ибо правда Божия выше уз земных, и церковь должна руководиться лишь велениями христианской совести. Потому обновленцы стоят за отделение церкви от государства.

Вот чего хотят обновленцы.

Не нарушать что-либо в церкви действительно церковное они хотят а созидать живую деятельную церковность.

Не сразу им удаются их начинания, а постепенно. Но иначе и быть не может.

КОНСПЕКТ БЕСЕДЫ на тему: „Что сделано для церковного обновления и что надо сделать“.

Обновленческое движение поставило себе широкую задачу внутреннего обновления церкви, возрождения подлинной христианственности, восстановления жизненного влияния церкви, активно осуществленной евангельской идеи царства Божия.

Обновление церкви, как и созидание церкви, есть дело, конечно, длительное. Веками созидалась Христова церковь во внешнем своем бытии. И если в течение веков затмилась в церковном сознании некоторые исконные христианские идеалы, если вкрались те или другие недостатки в церковные порядки, то само собой ясно, что и исправить все это нужно не малое

время. И еще больше времени нужно, чтобы осуществить то созидательное церковное дело, которое является главной целью церковного обновления.

За то время, как выявилось последнее обновительное движение в церкви, могли быть намечены только веши обновленной церковной жизни и деятельности, могли быть сделаны лишь первые шаги. И если мы спрашиваем, что сделано для церковного обновления, то собственно мы должны спрашивать, что сделано для начала обновления церкви, потому что несомненно в этой области надобно больше еще сделать, чем уже сделано.

Согласно общей цели церковного обновления, обновительная работа в церкви устремляется по четырем главным направлениям, и мы остановимся на каждом из них.

Обновление, прежде всего, есть прояснение христианского сознания, выявление подлинного смысла евангельского благовестия, затемненного односторонним уклоном исторической церковности в сторону аскетических устремлений, вполне законных, но не исчерпывающих евангельского идеала.

Что требуется здесь от обновительной работы. Требуется, во-первых, осознать Евангелие и христианство во всей его жизненной всеобъемлемости разумом церкви и направить церковную просветительную работу в этом направлении; а во-вторых, требуется перевоспитать до этого сознания и всю церковную массу, верующее общество.

Первая задача и есть то, что должно быть сделано для начала, есть первый шаг. И этот шаг сделан обновлением. Обновленческая церковь церковным соборным разумом осознала односторонние уклоны исторической церковности и поставила на своем знамени выявление подлинного лика Христа. Сдвиг совершился.

Что же касается второй задачи, перевоспитания верующей массы, то это уже то, что скоро не делается. Обновленцы ведут просветительную работу в этом направлении и ведут успешно. С каждым годом становятся сознательнее обновленческие кадры, все более усваивают дух Евангелия, поистине обновляются духом. Но в массовом масштабе процесс этот неизбежно длителен. И здесь, конечно, еще много и много нужно сделать.

Далее, обновление ставит целью активную христианизацию жизни не только индивидуальной, но и социальной. Это социальная сторона обновленческой идеологии.

И здесь также надо различать две стадии осуществления обновительной задачи.

Первая стадия—устранение тех связывающих церковь пут, которые в историческом бытии церкви мешали ей активно осуществлять христианско-социальную миссию. Такими путями были—тесная связь церкви с государством, заставлявшая церковь служить государственным интересам, старая политическая церковная идеология, омирщение церкви, побуждавшее иерархию во имя земных благ идти на компромиссы с христианской совестью.

В этой стадии обновленчество вполне осуществило свои задания. Оно не только по внешней необходимости, а внутренне, идейно отказалось от системы союза церкви с государством, оно отсеклось от старой церковно-политической идеологии и служения политическим интересам; оно выдвинуло открыто евангельские идеи социальной правды и, порвав с силой богатства, протянуло руку бедности трудящихся во имя христианской справедливости.

Вторая стадия осуществления социальной задачи обновления—активное строительство Царства Божия в человеческом обществе.

Широта этой задачи ясна сама собой, и осуществление ее, можно сказать, есть дело всего исторического развития христианского человечества. Но активное участие церкви в этом процессе определяется не только ее устремлением, но и внешними условиями ее деятельности. Внешние условия, в которых действует наше церковное обновление, не открывают для него возможностей активного участия в общественном строительстве. Но оно тем не менее может содействовать осуществлению социальной хри-

стианской правды путем соответствующего христианского воспитания верующих, которые в то же время являются и членами гражданского общества. И обновленческая церковь делает все от нее зависящее в этом направлении. В своей церковно-просветительной работе она широко раскрывает социальную сторону христианства и своим христианским методом содействует воспитанию начал братства, равенства, справедливости в человеческом обществе.

Третья сторона обновленческих заданий заключается во внутренней перестройке церковной организации, с тем, чтобы церковь могла развить всю полноту внутренней самостоятельности, что необходимо для осуществления той широкой миссии, которая обрисована в первых обновленческих заданиях. Это задача—проведения соборности во всей жизни церкви.

Что сделано здесь церковным обновлением.

Здесь достигнуты результаты наиболее осязаемые.

Во-первых, укреплен соборный принцип и утверждена преемственная соборная традиция регулярных Соборов, вопреки покушению подчинить соборное начало единоличному патриаршему началу.

Во-вторых, соборная структура последовательно проведена по всем стадиям церковной организации.

В-третьих, полнота соборности окончательно обеспечена вовлечением всех верующих (мирян) в активную соборную работу во всех ее проявлениях.

Но тем не менее нельзя сказать, чтобы и здесь все было сделано. Соборность складывается из внешней организации и внутреннего духа. Внешняя соборная организация создана, и если в ней есть какие-либо недочеты, то имеется всегда и соборный способ для их исправления. Но что касается соборного духа, который одушевляет соборные формы, то этот дух также требует своего воспитания. Отсутствие соборности в нашей церкви в течение долгого времени внедрило в церковную среду некоторые уклоны несоборного характера, а в церковном народе развило равнодушные к собственному церковному делу.

Наконец, обновление поставило задачу развить внутреннее религиозное делание, что объединяется в понятии церковного творчества, в особенности в области богослужебной. По убеждению обновленцев это нужно для поднятия религиозной жизни.

И здесь сделано уже многое. Постепенно вводится и, по мере восприятия верующими, расширяется богослужение на русском языке, приближающее богослужение к сознанию молящихся. Широко развивается живая пастырская проповедь. Распространяется общенародное пение, общая исповедь, живые собеседования с народом. Всего этого не чуждаются и староцерковники, но обновленцы проводят деятельность в этом направлении значительно шире и энергичнее. Главное же—они всецело идут навстречу запросам верующих и предоставляют народно-церковному сознанию в пределах православной церковности неограниченно расширять так называемый реформизм. И если не везде одинаково возрастает такое церковное делание, то это зависит именно от самих верующих. Некоторые обновительные богослужебные начинания, например, не были восприняты церковным народом, а потому и были оставлены. Другие восприняты частью народа, а потому и применяются частично.

Так совершается обновление церкви. Для внешнего взгляда иногда кажется, что обновления не видно. Но это только для поверхностного взгляда. Если мы задумаемся во все сказанное, то увидим, что, для обновления церкви заложены прочные основы, и церковь вступила на путь внутреннего возрождения. И чем дальше идет обновительная работа, тем явственнее плоды ее.

Всероссийский Церковный Собор 1917/18 г.г.

(в сокращении).

Кроме вопросов об отношении церкви к государственной власти и о патриаршестве, которые почти и не сходили с повесток и занятий собора до конца его работ, собор все же имел возможность обсудить и иные вопросы жизни церковной. На соборе выработаны были постановления о высшем и епархиальном управлении, о церковных округах, о восстановлении чествования памяти всех святых, российских, о начальных государственных и церковно-приходских школах и о преподавании в них Закона Божия, о местных средствах содержания духовенства, о единоверии, выражались суждения о старообрядческом расколе и Белокриницкой иерархии, даны определения о церковном проповедничестве, о расторжении браков, о смешанных и „гражданских браках“, о восстановлении в сани, о привлечении женщин к церковному служению, о кодификации канонов в виду неудовлетворительности существующей книги правил, и о некоторых других вопросах современной церковности. Рассуждая о монашестве и рясофоре епископов, о подробностях церемониала избрания и поставления патриарха, о пении АЛЛИЛУИЯ в определенные дни рождественского, петровского и успенского постов, или даже о чествовании юбилея Московского Археологического Института, собор однако не предусмотрел ни совершенного закрытия церковных школ и монастырей, ни крайнего развития сектанства, ни окончательного утверждения „автокефалии“ в Грузии, Украине, Польше и Финляндии, ни переживаемого теперь церковного разделения, хотя ясные признаки всего этого и предносились на соборе. Напр., проф. П. П. Кудрявцев тогда весьма прозорливо говорил: „нельзя не испытывать тревоги за то, что с учреждением патриаршества соборное начало будет мало-по-малу ослаблено и даже совсем подавлено, что—в свою очередь может вызвать (прим. 1), против себя реакцию в виде церковной революции... В пределах самой церкви, продолжал оратор, расхождение церковного народа будет происходить по признаку, в церковном смысле не существующему“... (прим. 2), другой Киевский профессор—Ф. И. Мищенко и прямо указывал, что печальное разделение церковных людей началось уже на самом соборе. „С этой кафедры, говорил он, люди известного образа мыслей выступают если не совсем еретиками, то—близкими к ним... Обвинение без доказательств—вещь недопустимая. Конечно, ереси в нас нет“. (Прим. 3). Но собор признав на себя задачи, ему несвойственные и увлекшись патриаршеством, сейчас указанными грустными перспективами не смущался. Впрочем, и при обсуждении вопросов, привлечших к себе внимание собора, обнаруживались иногда весьма интересные подробности. Так 11 ноября 1917 г., при рассмотрении доклада о церковной проповеди, архиеп. Харьковский Антоний (Храповицкий) выяснял, что „священник получает в хиротонии благодать не только совершать таинства, а и благодать вносить в сердца людей что-то новое: ему дается дар сострадательной любви ко всем и к молитве за всех... И священник воспевавший себя в направлении любви к ближним, не будет в состоянии сдерживать своего языка для поучения“. (Прим. 4). Мирянин же и землевладелец Таврической губ. Г. Ив. Титов заявлял: „приходилось слышать от сектантов упреки, что у нас не проповедуется слово Божие, хотя оно читается при богослужении на сла-

вянском языке. Я просил бы постановить, чтобы то, что читается при богослужении из Евангелия на славянском языке, потом прочитывалось и на русском и, насколько Бог поможет пастырю, объяснялось“. Гр. Д. А. Олсуфьев говорил еще решительнее: „Здесь должен быть решен вопрос о сдвиге нашего традиционного православия от его обрядового направления на религиозно сознательный путь“, (прим. 5). И собором, действительно, было постановлено: на первых страницах служебника и чиновника, архиерейского помещать указание на церковную проповедь, как одну из главнейших обязанностей пастырского служения, допускать к проповеданию не только нисших клириков, но и способных к тому мирян, а для общепонятности проповеди по ее изложению и языку вести ее на местных языках“ и наречиям (прим. 6). Против увлечения обрядностью впоследствии решительно высказывался на соборе и архимандрит Иларион (Троицкий), который после собора в сани епископа оказался врагом обновления русской церковной жизни с освобождения ее, между прочим, и от суеверного преклонения пред обрядностью.—„Первый грех нашей церкви, говорил он 21 февраля 1918 г. состоит в переоценке обрядностей... Ради обряда люди отрекаются от всей благодатной жизни церкви! Обряд и быт развиваются и задержать это развитие невозможно“... (прим. 7). Привлекая мирян к широкому участию в церковной жизни, собор,—если не в отмену, то, во всяком случае, в дополнение к 4 пр. 1 всел. и 3 пр. VII всел. соборов,—предоставил им право избирать епископов (прим. 8). 20 февраля 1918 г. когда на собор внесен был доклад об устройении единоверия, докладчик, протоиерей (потом епископ) С. И. Шлеев, между прочим, сообщал, что принимать Белокриницкую иерархию в сущем сани считал возможным не только преосвященный Андрей (Уфимский), но также высокопреосвященный Антоний (Храповицкий) и покойный проф. Казанской Духовной Академии Ивановский. „Ереси, таким образом тут нет. Если вопрос этот будет рассматриваться детально, я, говорил докладчик, докажу возможность приема Белокриницкой иерархии в сущем сани“ (прим. 9). Против такого взгляда о— С. И. Шлеева возражал потом на соборе, как увидим ниже, лишь один член В. И. Зеленцов. Необходимо отметить и то, что 25 января 1918 г., по письменному предложению 36 лиц, собором было предоставлено патриарху самому назначить ВРЕМЕННОГО местоблюстителя и лиц, заменяющих его (прим. 10), в случае отсутствия, но лишь ДО установления собором самого порядка избрания на означенную должность (прим. 11), каковой порядок и был определен собором 10 августа 1918 г. (прим. 12). По этому соборному определению, местоблюститель должен избираться тайным голосованием в соединенном присутствии членов Священного Синода (прим. 13) т. е. совершенно не так, как оказался „местоблюстителем“ митрополит Петр (Полянский). Разумеется, все сейчас указанные соборные суждения и постановления (о Белокриницкой иерархии, об обрядности, о проповедничестве, о местоблюстителе) имеют значение и теперь.

Но, к прискорбию, высказывались на соборе и суждения, которые, по меньшей мере, могут вызвать лишь удивление, как только могли они быть допущены здесь. Такие неожиданно-

1) Действительно, и вызвало! Авт. 2) Деян., кн. 2, в 2 стр. 418. 3) Деян., кн. IV, в 1 стр. 168. 4) Деян., кн. III, стр. 151—152. 5) Там же, стр. 162. 6) Там же, стр. 168—171. 7) Деян., кн. VII, в 1, стр. 44—45. 8) Деян., VI, в 1, стр. 61—94. 9) Деян., кн. VII, в 1 стр. 18—22. 10) Т. е. патриарха. Автор 11) Деян., кн. VI, в 1, стр. 74. 12) Собор. опред. и постанов. свящ. собора в 4, стр. 7—8. 13) Там же, стр. 3.

удивительные суждения не встретили себе должного корректива ни со стороны председательствующего, ни со стороны большинства членов собора. Лишь проф. Н. Д. Кузнецов, возражая против возведенного еписк. Прокопием „догмата“, говорил: „правда, в церкви ясно установлено различие иерархии и мирян, но где же тот догмат, который разделяет их на две части, предоставляя все заботы о церкви одним епископам, и отводит в общих церковных делах мирянам лишь пассивную роль? Я опасюсь, что такой догмат, если он и существует, то в церкви неправославной, а римско-католической. Согласно православному пониманию, иерархия и народ должны быть нравственно-духовно объединены и представляют одно целое „подобно живому организму. 64 пр. „Трулльского собора как раз и напоминает об этом“. Огульное обвинение „благородным владыкой“ Ефремом всего русского духовенства („в массе“) в буйстве, бесновании, разбойничестве и хулиганстве (что еще может быть более позорного?), невежественное миссионерское наставление, будто епископ может быть поставлен отнюдь не одним епископом, а „только большим обилием благодати—собором епископов“, провозглашение за догмат католической теории о разделении церкви на две части—учащую и пасомую—все это оказывалось приемлемым для большинства членов собора 1917/18 г.г. из коих почти половина (247) обладала высшим богословским образованием. Особенно знаменательно молчание епископата, когда высказывалась клевета, позорящая все белое духовенство, или католическая теория о предоставлении дел церковных суду только иерархов выдавалась за православный догмат: очевидно весь епископат разделял такие речи и сочувствовал им... Значит, когда нужно было, все допускалось в желательных целях...

В 20-х числах сентября 1918 г. собор наконец, закрылся. Что же дал он?—Очень трудно сказать, что можно было бы занести в актив собора, как нечто очень нужное и важное для всей нашей церковной жизни. При своей сравнительной продолжительности (более года) собор даже не сумел должным образом учесть совершившегося пред его глазами, серьезно толкуя в 1917/18 г.г., напр., об общем положении монастырей и монашества, о всероссийском кредитном союзе приходов и учреждений православной церкви, о взаимном церковном страховании, о всероссийском церковном кооперативе, о новых штатах и окладах духовных академий, о содержании и пенсиях епархиальных миссионеров и т. п. Очевидно, собор протекал в перспективах еще дореволюционного времени. Реальная жизнь далеко ушла много дальше собора. Прошло поэтому много лет после него, и от

многих его определений и постановлений (наприм. о высшем церковном и епархиальном управлении, о преобразовании духовно-учебных заведений, о церковном имуществе и хозяйстве и мн. др.) не осталось и следа. С ними не считаются даже и те, которые склонны возвышать этот собор пред другими.

На самом соборе суждения, догматически неправильные, не находили себе опровержения со стороны соборного большинства, свободно нарушался соборный устав, статьи его понимались то так, то этак, неугодным ораторам иногда бесцеремонно „зажимался рот“, шум, крики, голоса с мест, личные оскорбительные выпады, при попустительстве этого председательствующим, не были редкостью. Все указанное имело здесь место потому, что желаниям и стремлениям господствовавшим на соборе элементов не редко приносились в жертву истинные интересы церкви.

Тем не менее, все же нельзя сказать, что собор 1917/18 г.г. совершенно не имеет никакого значения в церкви. Он ясно показал, что нормы жизни церковной и управления ею не вечны и изменчивы, что и в этой сфере нет ничего идеально совершенного. Если поместный собор 1917/18 г.г. стремился ввести некоторые новые нормы в церковной жизни и управлении,—почему подобно этому не может предпринять и совершить, когда окажется необходимым, и другой поместный собор? Если собор 1917/18 г.г. при всей подготовленности и богословской образованности большинства его членов (247) квалифицированных богословов) не всегда удерживался в рамках порядка и даже догматической безупречности, что дает право многим совершенно отрицательно относиться к соборам 1923 и 1925 г.г.? Когда враги этих соборов будут пытаться указывать какие-либо теневые стороны последних, мы в праве спросить таких людей, почему они не хотят заметить ничего отрицательного на соборе 1917/18 г.г.? Самое большое пятно на памяти этого собора заключается в том, что здесь именно явно положено было начало тому разделению в церкви, которое не изжито ею и доселе. Призванный „привести всех к единству мысли и духа“ заменой обветшавших норм церковного устройства новыми, „соответствующими уровню современной жизни“, этот собор, не оправдав возлагавшихся на него надежд, наделил русскую церковь, между прочим, восстановлением давно отжившего патриаршества, которое потом ничего не принесло ей кроме горя, лишь углубив печальное разделение в ней, открыто выразившееся и поддерживавшееся еще на самом соборе.

1929 г. VIII-29.

ПОПОВ.

Староцерковники и старообрядцы.

Оторвавшись от единства Вселенской Православной Церкви, теряя под собою почву вследствие отхода лучших чад православной церкви из лагеря староцерковников в лагерь обновленцев, вследствие внутренних разделений, вследствие ожесточенных нападок воинствующего сектанства, встретившего в обновленчестве идейных неподкупных противников и потому устремившего все взоры на консервативное староцерковничество, не думающее о будущем православной церкви, староцерковничество в последние годы обратило самое серьезное внимание на старообрядцев, главным образом на беглопоповцев, предлагая им примирение, объединение на очень выгодных для последних условиях.

В прошлом году архиепископ Ювеналий от имени Митрополита Сергия на Соборе беглопоповцев пред-

лагал им епископов для восстановления законной иерархии у старообрядцев и ставил вопрос о просмотре чинопоема над епископами. Беглопоповцы ответили на это выступление подтверждением своего прежнего чинопоема вторым чином—чрез миропознание.

В нынешнем году Митрополит Сергий обратился к старообрядцам с 2 документами доказывающими, что староцерковничество хочет во что бы-то ни стало взять старообрядчество в свои руки. Первый документ в марте 1929 г. „это мнение Митрополита Сергия о возможности восстановления старообрядцев законной иерархии“. В этом „мнении“ староцерковники предлагают старообрядцам выбрать себе из наличного епископата 3 самых лучших епископов, которые и будут уступлены для восстановления законной иерархии у

старообрядцев. Эти епископы соединятся с старообрядцами на следующих, нужно отметить, односторонних условиях:

а) Епископы должны дать старообрядцам обязательство впредь употреблять как в общественной, так и в келейной молитве, одни только старые обряды и откажутся навсегда от так называемых „новых обрядов“.

б) Вступление епископов в новое служение должно быть совершено по чину, изложенному в Потребнике Патриарха Иосифа, с проклятием ересей по этому же Потребнику.

в) В целях получения „особливой“ благодатной помощи Св. Духа епископы должны принять помазание св. миром из алаваstra со св. миром, полученным при св. равноапостольном Владимире с произнесением слов: „печать дара Духа Святаго“, причем старейший епископ помазывает св. миром сначала сам себя, а потом и остальных епископов.

г) Восстановленная таким образом старообрядческая иерархия должна образовать особый митрополичий округ со своим митрополичьим собором, но при условии единства с православной Вселенской Церковью.

Старообрядцы со своей стороны обязуются восстановить у себя древние отношения к обрядам греческой церкви и считать их спасительными.

Вот как просто восстановится законная иерархия у старообрядцев по мановению милосердия староцерковников! Прежде всего удивляет нас необыкновенное „милосердие“ староцерковников по отношению к старообрядцам. Как то не укладывается в наши головы, или это недоступно нашему пониманию, или мы мыслить логически разучились—как староцерковники с ненавистью относившиеся к старообрядцам в прошлом, столь ненавидящие нас, обновленцев, гораздо больше, чем в прошлом старообрядцев, хотя мы ни в чем не отступили от чистоты православия, стали необыкновенно милостивы к старообрядцам, которых они до сих пор именовали и именуют позорным для них названием „раскольники“. Теперь они предлагают старообрядцам: „берите, каких хотите, 3 лучших наших епископов“. А вдруг они возьмут да и потребуют себе... Митрополита Сергия, Митрополита Серафима... Что же они пойдут или нет? Разгадаем их загадку. Берите от нас самых лучших, только не возитесь с обновленцами, от которых перешел к старообрядцам архиепископ Николай Позднев.

Теперь относительно условий соединения. Кто к кому присоединяется? Епископы должны отказаться навсегда от „новых обрядов“. Ясно, что не старообрядцы соединяются с православными, а православные епископы прямо переходят к ним на службу, отказываясь от православных обрядов и приняв старообрядческие. От каких ересей будут отрекаться эти епископы по Потребнику Патриарха Иосифа? Заставят их отрекаться от „никонианской ереси“ или нет? Ведь все-таки эти епископы, с точки зрения старообрядцев, как присоединяющиеся к ним, являются не вполне православными, раз они должны „отрекаться от чего то, а главное—принимать какое то миропомазание. Перейдем к последнему. Какой смысл вообще этого миропомазания? Древняя церковь знает миропомазание, как второй чин принятия от еретиков. Наша догматика не установила точно различия между таинством миропомазания и вторым чином принятия от еретиков. Понимание смысла и значения миропомазания над этими 3 епископами дает нам сам Митрополит Сергий: это получение „особливой“ благодатной помощи от Св. Духа. Что это значит? Это значит, что самые лучшие староцерковнические епископы, по признанию самого Митрополита Сергия, малоблагодатны, раз им признаваемым в православии настоящими, благодатными, каноничными преемниками

Св. Апостолов, для служения у старообрядцев нужна какая то „особливая“ благодать. Не есть ли это кощунство в угоду старообрядцам. А затем каким миром будут помазаны эти епископы? Миром из алаваstra, полученным при св. Владимире. Что же тут важнее: мир или алавастр? Как будто алавастр. Где же он находится? Нам неизвестно. Что же получится из этих манипуляций? А то, что старообрядцы признают торжественно свое общество истинно древне-православной церковью, а приходящих к ним епископов зачисляют во второй чин еретиков, которых принимают к себе чрез миропомазание в сущем сане. Впрочем, чего-можно ожидать от староцерковников, если они епископа Филиппа Гумилевского, перешедшего в старообрядчество и принявшего там миропомазание, потом приняли к себе обратно без всяких чинопоемов. Как наконец, смотреть на административное устройство старообрядчества после восстановления у него канонической иерархии и каковы будут взаимоотношения между ним и православной церковью? Если у старообрядцев будет свой митрополичий округ, имеющий свои соборы, то не равносильно ли это будет автокефалии?? Взаимоотношения между этим округом и патриархией совершенно не ясны и неопределены. В чем будет выражаться и проявляться единение с православной Вселенской Церковью? Будут ли беглопоповцы и их епископы, навсегда отрекшиеся от новых обрядов и книг, иметь с православными молитвенное и евхаристическое общение? Еще менее понятны отношения старообрядцев к православию. Они обязуются с своей стороны восстановить у себя древние отношения к обрядам греческой церкви и считать их спасительными. Но как они могут это признать и допустить, если они этих обрядов не выносят, и требуют от приходящих к ним епископов, чтобы они отказались навсегда от новых обрядов и не употребляли их даже в келейной молитве. Непонятно также, для кого эти новые обряды являются спасительными. Для православных они всегда спасительны и в одобрении этого старообрядцами они не нуждаются. Если для старообрядцев, тогда теряется весь смысл старообрядчества, весь смысл присоединения чрез известные чинопоемы епископов, весь смысл отказа навсегда от новых обрядов. Если спасительным является в глазах старообрядцев, как мыслят староцерковники, троеперстие, тогда зачем же епископы, присоединяющиеся к старообрядцам, будут отрекаться от него.

Таким образом, в проекте объединения старообрядцев со староцерковниками, страдающей стороной являются последние. Старообрядцы приходящим к ним на соединение с ними епископам предлагают целый ряд униженных требований, вплоть до нарушения канонов, а сами почти ничего не дают.

Согласиться с православным на то, что дает от их имени Митрополит Сергий, значит, не только поставить крест над тем, что называется каноничностью, не получить. Второй документ, который вышел из „Деяния архипастырей Православной Святой Церкви подписанное 12 епископами во главе с Митрополитом Сергием, и датированное 10 апреля 1929 г. Это деяние представляет из себя первый шаг к осуществлению вопросу об объединении „мнения“ Митрополита Сергия с старообрядцами. В этом 1666—67 года.

После длинного предисловия, в котором староцерковники, совершенно забывая о данных беспри адресу старых обрядов: тут и ссылки на Увещание

1768 г., и на единоверие, на изъяснение 1866 г., и постановления VI Отдела предсоборного Присутствия 1906 г. и наконец на постановления отдела Собора 1917—18 г. по единоверию к старообрядчеству, в деянии проводятся следующие мысли: а) староцерковники разделяют и подтверждают отзывы о старых обрядах, выраженные в Увещании 1768 г. и постановлении Казанского Миссионерского Съезда 1885 г.; б) признаются православными старопечатные книги, напечатанные при первых 5 патриархах, спасительными старые церковные обряды по их внутреннему знаменованию и в общении со Св. церковью; в) отвергаются и вменяются «яко не бывшие» порицательные выражения, относящиеся до старых обрядов, где бы они ни встречались «разрушаются и уничтожаются и вменяются яко не бывшие» клятвы Соборов 1656 г. и 1666—67 г.; г) так как клятвы положены собором с участием Восточных патриархов, то подписавшие данное деяние поручают местоблюстителю Патриаршего Престола обратиться к Восточным патриархам и представителям автокефальных церквей с посланиями о том, чтобы они утвердили настоящее деяние.

Таково в существенных чертах содержание этого второго акта староцерковников. Слишком много берут они на себя, теряют и топчут достоинство православной церкви, зачеркивая всю историю последних

трех столетий. Конечно, вопрос о клятвах необходимо поставить и обновленцам, да они и ставили его ни предсоборном Совете 1924 г., но они скромнее староцерковников: не дерзают отменять постановление собора 1666—67 г. не совсем авторитетным образом. Ведь не могут же в самом деле 12 епископов отменить постановления целого большого Собора. Нет никакого авторитета у этой коллегии, тем более, что подписавший вторым это деяние Митрополит Серафим Александров известен старообрядцам, как гонитель старообрядцев, как автор сочинения о клятвах, в котором он доказывал, что клятвы НАЛОЖЕНЫ ЗАКОННЫМ ОБРАЗОМ.

Св. Синод не менее староцерковников думает о мире со старообрядцами, но справедливо полагает, что нужен большой такт в решении этого вопроса и в проведении этого решения в жизнь—иначе будет напрасная трата и времени и бумаги.

Пока еще не известно, как отнеслись старообрядцы к этим 2 деяниям, но есть некоторое убеждение у них, что сильного впечатления на них эти деяния не произвели, потому что староцерковникам старообрядцы не верят, считают их продолжателями прежней политики православной церкви, и взоры обращают к обновленчеству, которое честно зовет всех инакомыслящих к миру.

Церковные юбилеи в 1930 году.

- 1) 1700 лет со дня рождения преподобн. Антония Великого (род. 230 г.).
- 2) 1600 лет со дня рождения Св. Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского (род. 330 г.).
- 3) 900 лет со дня кончины Св. Иоакима Корсунянина, первого епископа Новгородского (+10/23 февраля 1030 г.).
- 4) 1200 лет со дня кончины Св. Германа Патриарха Константинопольского (+12/25 мая 730 г.).
- 5) 1200 лет со дня кончины Св. Преподобномученицы Феодосии (+29 мая—11 июня 730 г.).
- 6) 750 лет со дня кончины Мстислава-Георгия Храброго Новгородского (+14/17 июня 1180 г.).
- 7) 450 лет со дня установления празднования Сретения Владимирской иконы Божией Матери (23 июня—6 июля 1480 г.).
- 8) 1400 лет со дня кончины Преп. Сампсона странноприимца (+27 июня—10 июля 530 г.).
- 9) 1500 лет со дня кончины Преп. Иоанна Колова (+9/22 ноября 430 г.).
- 10) 350 лет со дня кончины Св. Иоанна Власатого, Христа ради юродивого Ростовского (+3/16 сентября 1580 г.).
- 11) 1250 лет со дня рождения Св. Иоанна Дамаскина (род. 680 г.).
- 12) 1500 лет со дня кончины Блаженного Августина епископа Иппонского знаменитого церковного писателя (+в 430 г.).
- 13) 1250 лет со времени Шестого Вселенского Собора в Константинополе против монофелитов (680 г.).

НАГРАДЫ по СВЯЩЕННОМУ СИНОДУ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ в СССР за 1929 год.

В 1929 г. Св. Синодом награждены за церковно-общественную работу следующие лица:

А) АРХИЕРЕИ.

I. Крестом для преднесения во время богослужения.

Митрополит Александр Введенский, Член Св. Синода, Зав. Просветительным и Миссионерским Отделами (3 сентября).

II. Крестом для ношения на клобуке.

1. Иоанн Архиепископ Ульяновский (5 февраля).
2. Николай Архиепископ Костромской (12 апреля).
3. Александр Архиепископ Сретенский (21 мая).
4. Николай Архиепископ Пензенский (16 июля).
5. Сергей Архиепископ Владикавказский (27 августа).

III. Саном Митрополита.

Георгий (Добронравов) Архиепископ Калужский (8 апреля).

IV. Саном Архиепископа.

1. Епископ Челябинский Даниил (15 января).
2. Епископ Саратовский Федор (25 января).
3. Епископ Средне-Колымский Николай (Винокуров) (16 апр.).
4. Епископ Львовский Алексей (19 апреля).
5. Епископ Петр Алексинский, викарий Тульской епархии (11 июня).
6. Епископ Алексей Дмитровский (Микулин), викарий Московской епархии (11 июня).

7. Епископ Гервасий Астраханский (28 июня).

8. Епископ Алексей Сталинградский (20 сентября).

9. Епископ Дмитрий Каширский (13 сентября).

10. Епископ Вениамин Севастопольский (28 сентября).

11. Епископ Виктор Костромской (17 сентября).

Б. ДУХОВЕНСТВО.

I. Саном Протопресвитера.

1. Острогорский Иоанн прот. Кафедрального собора г. Армавира (12 февраля).
2. Адамов Дмитрий, Член Президиума Св. Синода (7 июня).
3. Кедринский Николай прот. Часовни Спасителя в Ленинграде (31 июня).
4. Рябинин Василий прот. Благовещенской церкви г. Череповца (31 августа).
5. Бренев прот. г. Севастополя (28 сентября).

II. Митрою.

1. Фоменко Тихон прот. станицы Прохладной (5 февраля).
2. Лебедев Анатолий прот. Владикавказской епархии (12 фев.).
3. Попов Владимир прот. Армавирской епархии (12 февраля).
4. Панаев Гавриил прот. с. Ивановского, Ишимской епархии (19 февраля).
5. Леонидов Александр прот. с. Б. Грязнухи, Благовещенского района (26 февраля).

6. Иванов Владимир прот. Кубанской епархии (26 февраля).
7. Геликопов Алексей прот. Казанской церкви г. Пензы (1 мар.).
8. Сильвестров Василий прот. Всесвятской церкви г. Тулы (9 апреля).
9. Скворцов Николай прот. Кладбищенской церкви г. Костромы (12 апреля).
10. Баников К. прот. Смоленского кладбища г. Ленинграда (23 апреля).
11. Цветков Николай прот. с. Нетесова, Московской епархии (23 апреля).
12. Коровневич Иоанн прот. благочинный Мглинского района, Брянской епархии (23 апреля).
13. Огороков Василий прот. Кафедрального собора г. Твери (26 апреля).
14. Тарасов Феодор прот. Михайловской станицы, Хоперской епархии (30 апреля).
15. Жидков Василий прот. Усть-Медведицкой станицы, Хоперской епархии (30 апреля).
16. Городецкий Павел прот. Донской церкви г. Новочеркасска (30 апреля).
17. Попов Андрей прот. Рождество-Богородицкой церкви с. Сетракова Донской епархии (8 мая).
18. Скобелкин Пантелеимон прот. Дмитриевского собора г. Краснодара (8 мая).
19. Ершов Михаил прот. Петро-Павловского собора г. Пензы (8 мая).
20. Прудентов Алексей прот. Боголюбовской церкви г. Пензы (8 мая).
21. Горностаев Иоанн прот. Успенской церкви г. Ставрополя на Волге (8 мая).
22. Попов Михаил прот. с. Верховья-Малышкина, Смоленской епархии (8 мая).
23. Охотский Михаил прот. станицы Старо-Гладковской, Владикавказской епархии (24 мая).
24. Динарев Василий прот. Кладбищенской церкви г. Воронежа (28 мая).
25. Мерцалов Алексей прот. Успенской церкви г. Тулы (4 июня).
26. Успенский Владимир прот. Троицкой церкви г. Тулы (4 июня).
27. Тимофеев Александр прот. с. Жуковского, Тульской епархии (4 июня).
28. Колтыпин Александр прот. Таганрогской епархии (14 июня).
29. Суринов Тимофей прот. Таганрогской епархии (14 июня).
30. Соколов Александр прот. настоятель Донской церкви г. Тулы (23 июля).
31. Вьюков Василий прот. при Никольской Часовни г. Тулы (23 июля).
32. Музалевский Николай прот. Сретенской церкви г. Тулы (23 июля).
33. Архангельский Владимир прот. Петро-Павловской церкви г. Тулы (23 июля).
34. Шнитников Михаил прот. с. Ветажетки, Тверской епархии (23 июля).
35. Яблонский Евмений прот. г. Сочи Черноморской епархии (27 августа).
36. Сахаров Иоанн прот. Ялтуровского собора Тюменской епархии (13 сентября).
37. Данилов Василий прот. с. Б. Березники, Ульянов. епархии.

Ш. Палицею.

1. Соколовский Михаил прот. Воскресенской церкви г. Смоленска (5 февраля).
2. Попов Михаил прот. Киберского прихода, Устьсысольской епархии (5 февраля).
3. Разумовский Павел заштатный прот. с. Б. Соли, Костромской епархии (13 февраля).
4. Кошурников Николай прот. Спасской церкви, с. Серпура, Марийской области (9 апреля).
5. Протасов Николай прот. с. Покровского, б. Одоевского уезда (12 апреля).
6. Преображенский Алексей прот. Вознесенской церкви г. Костромы (12 апреля).
7. Кулетьский Александр прот. с. Б. Соли, Костромской епархии (23 апреля).
8. Бенедиктов Иоанн прот. с. Малые Кармалы, Чувашской области (23 апреля).
9. Крылов Иоанн прот. с. Юракова, Рязанской епархии (23 апр.).
10. Смоковин Алексей прот. с. Лучинска, Рязан. епар. (23 апр.).
11. Катагогин Василий прот. Кирилло-Мефодьевской церкви г. Казани (30 апреля).
12. Кибяков Василий прот. с. Мемарбам, Мамодышского контона (30 апреля).
13. Носаковский Дмитрий прот. г. Владикавказа (9 июля).
14. Солиев Евлампий прот. Кафедрального собора г. Владикавказа (9 июля).

15. Богоявленский Сергей прот. при Кафедральном соборе г. Тулы (23 июля).
16. Шатилов Петр прот. Ростовской епархии (10 сентября).

IV. Крестом с украшениями.

1. Кибардин Николай прот. Спасского собора г. Вятки (8 янв.).
2. Лавроз Петр прот. Владимирской епархии (19 марта).
3. Преображенский Николай прот. Марийской области (9 апр.).
4. Протасов Николай прот. с. Покровского, б. Одоевского уезда (12 апреля).
5. Никольский Алексей прот. с. Никольского Пономарева, Тульской епархии (12 апреля).
6. Преображенский Иоанн с. Витемева, Московского уезда (23 апреля).
7. Горенинов Сергей прот. с. Игумнова, Московской епархии (23 апреля).
8. Лобцов Василий прот. Орехово-Зуевского собора, Московской епархии (23 апреля).
9. Петров Иоанн прот. г. Осташкова, Тверской епархии (26 апреля).
10. Оглоблин Александр прот. с. Троицкого собора г. Бирска (30 апреля).
11. Татмышевский Василий прот. с. Юмашева, Уфимской епархии (30 апреля).
12. Савелов Николай прот. г. Белебея, Уфимской епархии (30 апреля).
13. Похваленский Павел прот. с. Воздвиженского, Уфимской епархии (30 апреля).
14. Фомин Михаил прот. с. Архангельской слободы, Казанской епархии (30 апреля).
15. Ибаев Афанасий прот. с. Артеш, Казанской епар. (30 апр.).
16. Иванов Иоанн прот. с. Дмитриевского, Ставропольской епархии (3 мая).
17. Марков Дмитрий прот. с. Спас-Углов, Смоленской епархии (14 мая).
18. Селезнев Иоанн прот. Вознесенской церкви г. Ельни, Смоленской епархии (19 мая).
19. Волков Иоанн прот. с. Крюкова, Смоленской епархии (14 мая).
20. Полканов Александр прот. с. Рыбки, Смоленской епархии (14 мая).
21. Верещагин Аркадий прот. г. Халтурина, Вятской епархии (24 мая).
22. Ушаков Григорий прот. с. Красноярского, Вятской епархии (24 мая).
23. Попов Михаил прот. с. Лекмы, Вятской епархии (24 мая).
24. Редников Михаил прот. с. Байсы, Вятской епархии (24 мая).
25. Анисимов Арсений прот. с. Маркова, Вятской епар. (24 мая).
26. Румянцев Дмитрий прот. с. Н. Шкафта, Пензенской епархии (4 июня).
27. Покровский Митрофан прот. с. Семца, Брянской епархии (7 июня).
28. Богатырев Василий прот. Заведующий Иверской Часовней в Москве (11 июня).
29. Орлов Алексей прот. Храма Христа Спасителя в Москве (14 июня).
30. Мерцалов Илья прот. с. Шульгина, Тульской епархии (19 июня).
31. Благосклонский Михаил прот. с. Велеговшей, Тульской епархии (19 июня).
32. Троицкий Александр прот. г. Епифани, Тульской епархии (23 июля).
33. Парадизов Павел прот. благочинный Чернского уезда, Тульской епархии (23 июля).
34. Крылов Александр прот. с. Куркина, Тульской епархии (23 июля).
35. Сахаров Сергей прот. Донской церкви г. Тулы (23 июля).
36. Игумен Иоанн, служ. Иверской часовни (2 августа).
37. Игумен Никандр, служ. Иверской часовни (2 августа).
38. Данилов Василий прот. с. Б. Березники Ульянов. епархии (27 августа).
39. Дмитриев Виталий прот. Рубцов. округа, Алтайской епархии (3 сентября).
40. Кузьмин Емельян прот. служащий в Иверской часовне в Москве (3 сентября).

V. Саном Архимандрита.

Игумен Палладий (Селецкий) настоятель прихода стан. Урупской Армавирской епархии (21 марта).

VI. Саном Архидиакона.

Михайлов Николай протодиакон Храма Христа Спасителя в г. Москве (11 июня).